

КНИГА 2

ПАТРИАРХ

ОТРАЖЕННЫЙ РИСК

ВИКТОР СЕРОВ

Оправданный риск

Виктор Серов

Патриарх

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Серов В.

Патриарх / В. Серов — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого», — (Оправданный риск)

Вторая часть научно-фантастической трилогии. Продолжение «Арийи». Он не типичный патриарх и даже не типичный ариец, хотя мало кто столько сделал для развития и успешного становления Арийи. Ярый противник догматических нововведений в стране, он всегда мечтал о мирном слиянии земной и арийской цивилизаций... Теперь ему почти семьдесят. Конфронтация с другими патриархами достигла смертельного предела. Ему во что бы то ни стало необходимо спасти только начинающих жить арийца и землянина - Эрика Двадцать Второго и Игоря Родионова. Лишь вместе с ними он сможет завершить дело всей своей жизни. Удастся ли ему это?.. Скорее всего - да...

© Серов В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Совет	7
Семья	10
Суд	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктор Серов

ПАТРИАРХ

Пролог

Истошный вой сирены в очередной раз прорезал свист падающей авиационной бомбы. Фридрихштрассе вздыбилась одним из своих нетронутых зданий, которое в новом качестве гармонично дополнило берлинский пейзаж конца апреля 1945 года. Когда дым рассеялся, на клумбе осталось лежать свернутое стеганое одеяло. Спустя мгновение, из него показалась белокурая голова трехлетнего мальчугана. Полными ужаса глазами он смотрел на останки родного дома. «Живи, мой мальчик!» – эти последние мамины слова, которые он услышал сквозь грохот и треск, прочно врезались ему в память. Попытавшись взобраться на руины, малыш очень быстро понял, что под этими завалами не может быть живой мамы. Всхлипывая и растирая слезы по пыльным щекам, он побрел в направлении центра города. Никто из малочисленных прохожих не обращал внимания на одинокого ребенка, поскольку подобное явление было нередким для агонизирующего города. Впереди показались очертания огромного здания. Малыш вспомнил, что во время последнего приезда отца они здесь гуляли всей семьей. С другой стороны этого грандиозного сооружения находилась лужайка с забавными фигурками. Он хорошо помнил сильные руки отца, его красивую форму с желтыми блестящими пуговицами и запах... этот запах потом, уже в совершенно другой жизни, не раз преследовал его. Обладали им только очень сильные люди. В последние дни большой портрет отца с черной ленточкой и горящей свечой стоял в гостиной.

У подъезда красивого здания стоял грузовик, а рядом с ним – целая гора вещей и несколько больших деревянных ящиков. Два солдата, появившихся из соседнего дома, положили в один из них огромную люстру и удалились. Вдруг из-под машины выскочил полосатый котенок, мяукнул и скрылся в том же самом ящике. Малыш взобрался на чемоданы, заглянул в него и... неожиданно упал. Скатившись по упругому каркасу люстры, он оказался на мягком ватном полу и тут же обнаружил беглеца. Его глаза не очень дружелюбно сверкали из-под светильника. Мальчик тоже попытался туда влезть и потрогать живую игрушку. В этот момент сверху посыпалось множество маленьких подушек, после чего крышка захлопнулась, и внутри стало темно. Темноту слегка разбавляли тонкие полоски между досками и светящиеся глаза котенка. Присутствие живого существа сдержало малыша от плача и зова на помощь. Напротив, ему стало интересно, что же теперь будет дальше. А дальше ящик со всем содержимым и остальными вещами был поставлен в кузов и автомобиль тут же отправился в путь, петляя по улицам разрушенного города.

Проснулся он от толчков и шума, в котором преобладали какие-то всплески. В узкую щель почти ничего не было видно. Часть стены сменилась полоской темной воды. Последним различимым предметом оказалась длинная металлическая конструкция. Вскоре шорохи и звуки шагов стихли, и после громкого лязга наступила полная тишина. Теперь он испугался по-настоящему. Теплый пушистый комочек, который мирно мурлыкал у него под боком, уже не успокаивал его. Стало прохладно, да и голод уже напоминал о себе. Малыш громко заплакал и принялся шлепать по деревянным стенкам. Котенок тоже встрепнулся и поддержал его жалобным мяуканьем. Но, увы. На эту какофонию никто не откликнулся. Она продолжалась до тех пор, пока необычную парочку опять сморил сон.

Яркая полоска света коснулась глаз ребенка. Он не стал выяснять его источник, а сразу, что есть силы, закричал:

– Помогите!

- Мяу, – присоединился к нему полосатый друг.
- Кто здесь? – откликнулся удивленный мужской голос.
- Это мы! – радостно сообщил малыш.

Крышка ящика откинулась, и над ним склонился офицер в такой же, как и у отца, красивой форме. Только на голове у него была не фуражка, а пилотка.

- Как ты попал в этот ящик?! – спросил тот.
- Мы попали сюда случайно, – ответил мальчик и протянул ему котенка.

– Идите-ка оба ко мне, – сильные руки подхватили друзей по несчастью и вынесли их из этой странной комнаты через такую же странную круглую дверь.

Таким образом, они прошли еще через две такие же двери, которые «спаситель» за собой плотно закрывал и завинчивал, и, в конце концов, оказались в относительно просторной комнате. За столом сидели несколько мужчин в штатском, и среди них – одна дама, очень похожая на маму. У нее были такие же длинные светлые волосы, спадающие ниже плеч. Она изумленно смотрела на вошедшую троицу своими огромными глазами.

- Вот, поймал «зайца» с котенком, – торжественно доложил офицер.
- Мальчик, как ты оказался на нашем корабле?!
- Простите фрау, на каком корабле? Разве мы не в Берлине?
- Нет, мы плывем на корабле, малыш. На подводном корабле. А где твои папа и мама?
- Папа на войне, а маму убила бомба.
- Генрих, – обратилась женщина к сидящему рядом с ней спутнику, – отныне я буду мамой этого чуда. Малыш, меня зовут Ирма. А как твое имя?
- Меня зовут Эрик. Куда мы плывем, фрау Ирма?
- Мы плывем в прекрасную волшебную страну, мой мальчик. Называется она – Арийя.

Совет

Получив шокирующие материалы для очередного патриаршего суда, Эрик созвал всех своих советников. Их было шестеро. Каждый из них по отдельности являлся признанным специалистом в своей области, а все вместе составляли мозговой центр патриарха. Сейчас они понадобились ему в полном составе, поскольку случай являлся беспрецедентным. Но главное заключалось не в этом. Основной обвиняемый, которому гарантированно грозила смертная казнь и, который по иронии судьбы носил его имя, вызывал у патриарха не жалость, не сочувствие, а давно забытые и чуждые современной Арийи отцовские чувства. В этом он боялся признаться даже себе и надеялся, что коллективное мнение умнейших арийцев поможет ему, патриарху Эрику Первому, руководителю лунной Арийи, совладать со своими чувствами и вернуться в правовое русло.

В назначенный час все советники прибыли в резиденцию. Оставив свои гравилеты с внешней стороны водяного рва, они проследовали в замок и поднялись в верхнюю совещательную комнату.

– Суд состоится через два дня, – начал совет Эрик. – Всю информацию по этому делу я переслал на ваши цитроны и вы уже должны быть в курсе, что впервые за всю историю Арийи землянин проник в нашу страну. До сих пор это был исключительно удел рабов. Этот землянин – русский. Его имя – Игорь Родионов. Способствовал ему, как вы знаете, молодой ариец Эрик Двадцать Второй. Я хочу, чтобы каждый из вас высказался по этому поводу и дал принципиальную оценку этому деянию.

Советники отличались не только высочайшим уровнем интеллекта, но и далеко не ортодоксальными взглядами. По первому критерию патриарх каждого из них в свое время отбирал, а второй воспитал в процессе длительного и плодотворного сотрудничества. Кроме того, практически при каждой встрече Эрик призывал своих помощников быть максимально открытыми с ним самим и между собой. Каждый из них понимал, что тон, взятый патриархом в самом начале, выражает его надежду на то, чтобы дискуссия проходила в рамках установленных норм Арийи. Однако первый же выступающий – советник патриарха по техническим вопросам Ральф Двенадцатый своим сенсационным сообщением оставил эти надежды тщетными.

– Ваше величие, коллеги, я хорошо изучил предоставленные патриархом материалы, но еще лучше я изучил обоих фигурантов по этому делу, – Ральф выдержал необходимую паузу, – потому что я с ними лично знаком.

– Ральф! – Эрик хлопнул ладонью по столу. – Для демонстрации своего чувства юмора нужно выбирать другие место и время.

– Ваше величие, юмор здесь ни при чем. Некоторое время назад я действительно почти половину дня провел с вашим тезкой и Хайнцем... то есть Игорем Родионовым. Вы помните – это произошло именно в тот день, когда я прибыл из земной Арийи. Мы были пассажирами одного корабля, но познакомились уже здесь – в лунной Арийи. Я как-то сразу обратил на них внимание – очень достойные молодые арийцы, и пригласил их посетить водный парк.

– Ральф, этот русский так безукоризненно разговаривал на немецком языке, что ты ничего не заподозрил? Или он молчал, как рыба? Внешне он хоть похож на арийца? – поинтересовался советник Дитрих.

– Как раз на это я и обратил внимание. Игорь великолепно владел, точнее, владеет, языком, но от арийского, если внимательно прислушаться, он все же отличался. Он мне напомнил баварский диалект Земли Предков. Что касается внешности, то я отметил бы, что у него внешность классического арийца. В какой-то момент я обратил внимание на специфические шумы в их цитронах. Теперь уже точно могу сказать, что их прослушивала Тайная служба.

Почему я не сделал правильных выводов и не забил тревогу? Простите, ваше величие, могу ли я спросить?

– Давай.

– Вы полетите на Марс или будете присутствовать на суде виртуально?

– Чтобы участвовать в нем реально, я в эти минуты уже должен находиться в космогравилете, а я, как видите, сижу здесь с вами. Как вам известно, патриарх Конрад Второй находится в земной Арийи с важной миссией и прибудет сюда только послезавтра. Поэтому мы с ним договорились о виртуальном участии в суде.

– Во время суда мы будем рядом с вами?

– Конечно, куда же я без вас.

– Что я и хотел услышать. Поэтому, уважаемые советники, впрочем, и вы, ваше величие, сами познакомитесь с этими молодыми людьми и поймете, почему я не сдал их Тайной службе.

– Ральф, – вступил в разговор советник по внешним связям Зигмунд, – здесь присутствуют еще два арийца, которым тоже известен Эрик Двадцать Второй. Вчера патриарх затребовал всю имеющуюся хронику, а так же всевозможные его характеристики, в том числе и из Тайной службы. Перед тем, как их передать, я сам подробно с ними ознакомился. Это входит в мои функциональные обязанности. Мне абсолютно нечем тебе возразить, Ральф. Напротив, я вообще не усматриваю преступления в действиях молодого арийца...

– Я тебя просил об этом говорить, Зигмунд?! – воскликнул патриарх.

– Но и не запрещали, ваше величие.

– Более того, – вмешался в разговор советник по работе с населением Алекс, – я, как психолог по образованию, могу смело констатировать, что наш патриарх, который всегда призывает нас к максимальной откровенности, сегодня сам пытается лукавить.

– Ну что мне с вами делать? – сокрушенно проговорил Эрик. – Невзирая ни на какие симпатии и антипатии, мы с вами прежде всего должны быть патриотами Арийи, неукоснительно чтить ее законы и соблюдать Кодекс истинного арийца.

– Мне помнится, вы говорили, что в первую очередь мы должны быть честны перед вами и друг другом, – не унимался Алекс.

– И это тоже... ну ладно – мне не удалось вас переубедить. Тем самым мне не удалось переубедить себя самого. Вы правы – я сочувствую этому молодому арийцу. Я попытался поставить себя на его место и с ужасом осознал, что в его ситуации я поступил бы точно так же. А это ведь нарушение основополагающих законов Арийи. Эрику Двадцать Второму грозит смертная казнь. Вот так.

– Следовательно, на очередном расширенном совете патриархов нужно инициировать процесс изменения некоторых законов, – подал голос советник Герхард.

– Ближайший совет состоится только через два месяца, а суд завершится уже послезавтра.

– Я за два дня что-либо придумаю, ваше величие. Среди многочисленных поправок, принятых патриархами наверняка можно найти кое-что полезное, – заявил Герхард.

– Ну что же, – Эрик обвел взглядом всех присутствующих, – ваш общий настрой мне понятен, но сейчас мне хотелось бы услышать от каждого из вас ответ на прямой вопрос: виновен ли Эрик Двадцать Второй?

– Виновен, – без колебаний вынес вердикт Йоган, советник по промышленности, строительству и коммуникациям. – Он нарушил основной закон Арийи и тем самым совершил тяжчайшее преступление. Виновен ли он с точки зрения здравого смысла? Не уверен. Скорее, нет. Ваше величие, извините за прямоту, но в то, что Эрик Двадцать Второй хоть и формально, но является преступником, внесли свою лепту и вы. Это вы с другими патриархами принимали законы Арийи, разработанные Законодательной палатой. А теперь мы имеем то, что имеем. За нарушение закона номер пять неизбежно следует наказание – смертная казнь.

– Йоган, ты должен помнить, что я не поддержал тот самый закон, да и не мог этого делать в принципе. Хорошо, твоя позиция мне ясна. Что скажут остальные?

Таким образом, с Йоганом согласились советники Дитрих, Алекс и Герхард. Ральф и Зигмунд отрицали даже факт формальной виновности Эрика Двадцать Второго. На этом патриарх совет закончил и обязал помощников прибыть к нему за час до начала патриаршего суда.

Семья

Возвратившись из школы, Эрик не остановил лифт на своем этаже, а вышел из него лишь на крыше. По его подсчетам в это время должен был прилететь отец. Он был уверен, что тот, увидев встречающего сына, сильно обрадуется. В свои восемь лет ему несколько раз посчастливилось летать с отцом, а еще раньше и с мамой, пока не появились Конрад и Катрин. Полеты являлись предметом его гордости и неким превосходством перед друзьями, поскольку среди ближайшего окружения только у его отца гравилет находился в личном пользовании. С каждым годом в небе Арийи их становилось все больше, но все они преимущественно были военными.

Прошло немало времени и вот, наконец, в лучах плазмоедов сверкнул серебристый диск. Эрик принялся размахивать руками и кричать, чтобы отец его тоже увидел. Приземлившись, Генрих бросился к сыну:

– Эрик, что случилось? Что ты здесь делаешь?

Тут же зазвенел цитрон, в котором появилось изображение встревоженной мамы:

– Генрих, Эрик пропал. Прошло уже больше часа, как он должен вернуться из школы. Я связывалась с учителем – он сказал, что все ушли вовремя.

– Ирма, вот тебе сюрприз, – отец повернул руку с цитроном. – Твой пропавший, похоже, все это время ожидал меня на крыше.

– Слава богу. Быстро спускайтесь домой. Ужин уже давно готов, как и тема для семейного разговора.

Цитрон, как и гравилет, был тайной страстью Эрика. По установленным в стране правилам мальчики начинали носить этот чудесный прибор только с четырнадцати лет. Он выглядел как наручные часы, которые тоже имелись в доме. Однако часы показывали лишь текущее время, а цитрон, по мнению Эрика, мог делать все. Только через него мог управляться гравилет и вся бытовая техника, в том числе и домашний повар. Только с помощью цитрона можно было связаться на любом расстоянии с любым арийцем и видеть его. И, наконец, он мог показывать всякие интересные картинки по приказу хозяина. Сколько раз он заворожено смотрел на цитрон, оставленный мамой или папой, на его разноцветные блики и боролся с непреодолимым желанием потрогать его или даже одеть себе на руку. Его останавливал категорический запрет родителей даже приближаться к нему. Кроме того, он сам видел, как вскрикивает мама и морщится папа при надевании цитрона. Как-то они ему объяснили, что это ощущение сходно с тем, когда руку обожжешь кипятком. В тот же день он налил в вазу горячую воду и обварил руку, решив доказать себе и родителям, что он уже готов носить цитрон. Героя, однако, не признали и, вдобавок к травмированной руке, он еще получил и взбучку от отца.

– Ну, наконец-то, – Ирма всплеснула руками, когда мужчины вошли в гостиную. – Я почти час назад накрыла стол. Горячее уже, конечно, не горячее. Генрих, а ты почему сегодня так поздно?

– Срочно вызвал рейхскомиссар, – отец хмуро поднял глаза на стену. – Опять тот же вопрос. Я остался последним.

– Ладно, мойте руки – и за стол. Потом поговорим.

Там на своих высоких стульчиках уже восседали годовалые брат и сестра Эрика. Конрад колотил по столу большой деревянной ложкой, а Катрин, открыв рот, смотрела на отца. Ее всегда завораживала его красивая форма, с которой она не сводила глаз до тех пор, пока Генрих не переодевался. Эрик, как и родители, души не чаял в малышах и любил с ними играть, каждый раз придумывая для них что-нибудь оригинальное.

– Эрик, – взглянула мама на старшего сына. – Давай с тобой раз и навсегда договоримся – мы с папой всегда должны знать, где ты в данный момент находишься. В связи с этим я спрошу тебя вот о чем: что ты должен был сделать, прежде чем пойти на крышу встречать отца?

– Я должен был зайти домой и сказать об этом тебе, мамочка... и отпроситься.

– Родители должны тебя контролировать, – вмешался отец, – но ты и сам обязан иногда включать голову. Я ведь тебе уже рассказывал, что в прошлом месяце с девчонкой из семьи произошел несчастный случай. Она шла по улице, когда на нее напала невесть откуда появившаяся в городе фарьена. От девочки, остались только ботинки. А от офицера, который хотел спасти ребенка, вообще ничего не осталось. Только после этого фарьену обездвижили и увезли в резервацию. Не убили, а увезли! Видите ли, они сейчас по счету... тьфу.

– Успокойся, Генрих, – Ирма взяла мужа за руку, – ты все равно ничего не изменишь. Скажи мне, что ты ему ответил?

– Сегодня ничего. Но завтра я должен дать положительный ответ. Ты же понимаешь, что решение все равно будет принято – со мной или без меня. Просто меня завтра выведут из совета со всеми вытекающими последствиями. Если я, конечно, буду стоять на своем. Ладно, Ирма, об этом позже, а сейчас я хочу нашему старшему сыну сделать предложение, от которого он не сможет отказаться.

За столом установилась полная тишина. Даже Конрад прекратил свое любимое занятие и положил ложку. А Эрик так напряженно смотрел на отца, что у него на глазах даже выступили слезы.

– Эрик, сейчас мы с тобой слетаем в одно место, а по пути я научу тебя управлению гравилетом. Ты не против?

– Ура-а-а! – закричал Эрик, Конрад опять стал дубасить ложкой по столу, а Катрин почему-то заплакала.

– Куда же вы полетите? – испуганно спросила мама, пытаясь отогнать возникшую догадку.

– Я хочу показать сыну Дом детства, познакомить с его обитателями. Пусть он поучится у них дисциплине. Ведь именно об этом сегодня у нас был разговор.

Эрик прекратил выражать свой восторг, а мама выскочила из-за стола и убежала к себе в комнату.

– Папа, а ты меня там не оставишь? – невозмутимо спросил Эрик.

– Да ты что, сын? Об этом не может быть и речи. Ты, давай, собирайся и жди меня, – он вслед за мамой направился в комнату.

Отец вышел в темном «смешном» комбинезоне. Он его надевал, когда осуществлял длительные полеты, в том числе, и за пределы Арийи. В первый раз, когда произошла демонстрация возможностей этой одежды, Эрик испугался и долго не мог прийти в себя, а мама ругала отца за то, что тот в присутствии сына без предупреждения это сделал. Это случилось чуть более года назад, примерно через неделю после рождения близняшек. Папа прибыл с работы с большой сумкой и со словами «сейчас я вам буду показывать фокус» скрылся в своей комнате. Через несколько минут он появился в этом комбинезоне. Накинув капюшон и, зачем-то застегнув его на лице, он посмотрел на цитрон и... исчез. То есть, как будто его здесь и не было. Эрик заплакал, бросился к маме и схватил ее за руки:

– Мама, ты оставайся!

– Сынок, я никуда не делся, – послышался из пространства голос отца. – Я просто стал невидимым.

И, хотя он тут же появился, Эрик еще долго не мог успокоиться. Он даже мысли не мог допустить, что кто-либо из его родителей мог исчезнуть. После этого отец ни разу не демонстрировал подобные фокусы, да и мама тоже, хотя у нее позднее тоже появилась такая же форма.

Вот и сейчас мальчик настороженно смотрел на отца. Тот почувствовал это и усмехнулся:

– Исчезать я точно не собираюсь. Ты готов к полету?

– Да.

– Тогда, вперед!

Через минуту гравилет стартовал с крыши дома и взял курс на Дом детства. О его существовании Эрик знал давно. Он слышал, что там живут дети, у которых нет семьи: нет родителей, братьев и сестер. Однажды он спросил у мамы, откуда в этом Доме появились дети? Та вначале опешила, но потом объяснила сыну, что их привозят с поверхности Земли, потому что им там нечего есть. Конечно, мать сказала ребенку первое, что ей пришло в голову. Она не могла ему сказать о том, что рейхскомиссар лично разработал план экстренного увеличения численности населения Арийи и, главное – улучшения ее генофонда. По этому плану специально созданные зондеркоманды воровали детей, подходящих под установленные антропологические параметры, из обеих частей послевоенной Германии. Было также известно, что количество детей в Доме увеличивается, а учреждение постоянно расширяется.

– Папа, ты обещал меня научить управлению гравилетом? – напомнил Эрик, когда они набрали максимальную высоту.

– Как ты уже слышал, воздействовать на аппарат можно только силой мысли пилота. Цитрон является посредником между арийцем и гравилетом. Он усиливает его команды и передает в исполнительное устройство аппарата. Необходимо только максимально на них сосредоточиться.

Когда прибыли на место, отец уже успел перечислить команды, необходимые для управления гравилетом и некоторые приемы концентрации внимания. У ворот Дома их встречал очень вежливый ариец в синей форме. Его звали Эрнст, а своих гостей он знал по именам заранее. Эрик с удивлением обнаружил, что Дом на самом деле представляет собой целый комплекс строений, обнесенный высоким глухим забором. Вначале они проследовали в новейшее десятиэтажное здание, где будут проживать, как он выразился, «местные ребяташки». После этих слов отец взял его под руку и что-то ему негромко сказал. Эрик успел разобрать два последних слова: «...пока рано». В левом крыле здания располагались комнаты будущих маленьких жильцов. Каждая из них была рассчитана на два человека. Кроме двух спальных мест в комнате имелись два шкафа, большой стол с двумя стульями и этажерка с книгами. Слева на стене виднелся информационный экран, а с противоположной стороны – огромное, почти во всю стену, окно. На каждом этаже, начиная со второго, располагались по пятьдесят таких комнат вместе с грандиозным бытовым помещением, включающим в себя туалеты, душевые, умывальники и хозяйственные комнаты. Весь первый этаж занимала столовая.

– А теперь, господин генеральный комиссар, прошу в учебную часть корпуса, – сказал Эрнст и направился в сторону прозрачной вставки здания. – Здесь находятся переходы и лифты, которые были смонтированы совсем недавно.

Три первых этажа правой части занимали бассейн, спортивные площадки и помещения с тренажерами. На остальных располагались учебные классы и аудитории. Здесь же находились комнаты и для преподавательского состава. Эрнст рассказал об изучаемых предметах и отметил, что сейчас стали уделять больше влияния психологической подготовке воспитанников. «Это особенно актуально для молодежи, привезенной с поверхности Земли и быстрой ее адаптации», – подчеркнул он.

В заключение гости проследовали в действующий корпус, где как раз и проживала та самая «молодежь». В это время там закончились занятия, поэтому все находились в комнатах. В одну из них Эрнст и пригласил своих гостей. Условия проживания этих ребят отличались от тех, которые имели место в новом корпусе. В комнате, которая по размеру была больше всего раза в полтора, находились восемь человек. При виде посетителей они соскочили со своих двухъярусных кроватей и быстро построились в шеренгу. Эрик с удивлением обнаружил, что все восемь человек, стоящих на полу без обуви, были практически одинакового роста и даже чем-то похожие внешне.

– Это лучшие наши воспитанники, – с гордостью сказал Эрнст.

– Ребята, сколько вам лет? – с удивлением спросил Генрих.

– Девять лет, ваше величие, – хором ответили мальчики.

– Классы, и, соответственно, комнаты формируются по возрасту, – добавил Эрнст.

– Ну, не настолько же! Они ведь как братья. И что такое «ваше величие»?

– При обращении к взрослым они используют эту приставку, господин генеральный комиссар. Это директива, – Эрнст закатил глаза к потолку. – А сходство достигается разработанной у нас системой коррекции. Она включает в себя физические упражнения и некоторые препараты, разработанные нашими генетиками. Эти субъекты привезены сюда более трех лет назад. Поэтому времени для коррекции было достаточно.

– Как тебя зовут, мальчик? – с улыбкой поинтересовался Эрик, подойдя к крайнему воспитаннику.

– Рихард Третий... ваше величие, – ответил тот и виновато посмотрел на Эрнста.

– А как твоя фамилия? И где первый и второй Рихарды? – не унимался Эрик.

– Не знаю, – Рихард напряженно продолжал смотреть на наставника.

– Эрик, перестань его мучить, – рассмеялся Эрнст, – он на самом деле не знает. У нас здесь нет фамилий. Будущим арийцам они вовсе не нужны. Не правда ли, господин генеральный комиссар?

– Не уверен, – хмуро ответил тот. – Позднее время. Нам с Эриком пора.

– Папа, подожди, ты видел здесь хотя бы одну икону?

– Нет, по-моему..., – пробормотал Генрих и вопросительно посмотрел на Эрнста.

– Нашим воспитанникам некогда этим заниматься, – прозвучал ответ.

В коридоре тем временем несколько десятков будущих арийцев трижды проскандировали: «Да здравствует великая Арийя!». Когда же гости спускались на лифте, на одном из этажей послышался душераздирающий детский крик. Но еще больший шок Эрик испытал, когда они вышли из корпуса. Из черного диска, припаркованного к парадной, люди в черных комбинезонах выносили бездыханных младенцев.

– Папа, они что, умерли?

– Нет, нет, Эрик, ты что. Они утомились и спят.

– Свежие! – радостно добавил Эрнст.

Назад летели молча, пока Генрих не нарушил молчание, продолжив свою лекцию. На этот раз он рассказал о ручном управлении гравилетом и его вооружении. Эрик внимательно слушал отца и вникал во все тонкости техники, зная, что очень скоро они ему пригодятся. Если бы Генрих догадался хотя бы о сотой доле плана, созревшего в маленькой голове сына, он ни за что бы так подробно и скрупулезно не обучал бы его управлению аппаратом. Он не мог этого сделать даже по той причине, что считал себя виноватым перед ним в обратном эффекте состоявшейся экскурсии. В какой-то момент у отца зазвенел цитрон и тут же в световой рамке появился Вилли – его первый помощник по работе. Для Эрика это был второй по авторитету ариец в стране. Первым, конечно же, был отец.

– О! – удивился он, увидев Эрика. – У нас появился новый пилот. Эрик, ты куда направляешься?

– Мы летим из Дома детства. Папа хотел меня туда сдать, но пожалел, – неожиданно выпалил Эрик.

– Эрик, что ты такое говоришь!?! – воскликнул Генрих, – Вилли, не слушай его! У меня и в мыслях не было.

Вилли изумленно смотрел то на отца, то на сына и, спустя минуту, сказал:

– Генрих, он перенес совет на одиннадцать часов. Поэтому с утра у нас нет никаких мероприятий...

– Я понял. Завтра встану попозже. Спасибо, Вилли...

Эрик проснулся примерно за час до рассвета, как и рассчитывал. Он понял, что дальше тянуть нельзя. Сегодня утром он должен все решить. Генрих и его жена Ирма недооценивали своего старшего сына. Точнее, он сам не давал им повода. Он обладал отнюдь не детским умом и, как мог, скрывал это от окружающих и, тем более, от своих родителей. Это происходило по одной причине – больше всего в жизни он боялся их потерять. Поэтому он очень старался быть именно таким, каким они хотели его видеть. Он чувствовал их любовь. Он безумно любил их сам, как и своих маленьких братишку и сестренку. И вот этот человек опять решил у него все отнять. Он однажды это уже сделал. В Арийи Эрик ни разу вслух не вспомнил своих родных папу и маму, хотя он их не забывал никогда, как не забывал и звездное небо Берлина. В первое время он по ночам тихо плакал, вспоминая свое раннее детство.

Соскочив с кровати, он взял фонарик, подаренный отцом на день рождения, и побрался в гостиную. Здесь он осветил стену, на которой висел портрет. Точно такой же находился и в берлинском доме, пока мама не сняла его и бросила в угол со словами: «Это ты уничтожил нашу семью». Впоследствии вместо него на столе стояла папина большая фотография с черной лентой. В Арийи его называют рейхскомиссаром. Там, в Германии он был фюрером. Его имя – Адольф Гитлер. Там он придумал жестокую войну, а в Арийи – Дом детства, чтобы отбирать детей у родителей. Если его не будет, то и отбирать детей будет некому. Эрик знал, где находится резиденция Гитлера. Ему так же было известно, что один зал папиного гравилета сравнивает эту резиденцию с землей. Таков был план восьмилетнего арийца. И он приступил к его реализации.

Пробравшись к родителям в комнату, он осторожно взял со стола citron отца. Теперь его нужно было надеть. Он понимал, что если взрослые переносят этот процесс очень болезненно, то для него это будет смертельно опасно. Но он обязательно должен это сделать. Эрик опять взобрался на свою кровать, уткнулся лицом в подушку и стиснул зубы. Одновременно свою левую руку он просунул в браслет citrona. «Лучше бы это был кипятильник», – успел он подумать, когда тысячи иголок вонзились ему в запястье, а в голове взорвался огненный шар. Но уже через минуту осталось только ощущение естественной тяжести в руке.

На крыше Эрик без труда отыскал папин гравилет. Четыре из них были меньшего размера, а один, который принадлежал дяде Мартину, отличался более темным цветом. Подняв citron на уровень глаз, он приказал открыть люк диска. Как ни странно эта команда успешно прошла с первого раза. Воодушевленный успехом, Эрик влез в аппарат и удобно устроился в качестве пилота, поскольку кресло моментально уменьшилось и приняло форму восьмилетнего мальчика. Входной люк захлопнулся. Перед ним находился матовый экран примерно такого же размера, как и дома. Внутренние стены диска излучали ровный голубой свет. Растерянность первых секунд прошла, и в голове образовался некий порядок всех рекомендаций отца. Прежде всего, необходимо было отрегулировать обзор и вывести на экран параметры полета. Без особых усилий это было сделано и, более того, Эрику с первого раза удалось регулировка изображения на экране. Теперь можно было приступать к главному. Он поднял руку, совместил citron с экраном и мысленно на нем сосредоточился.

«Взлет!», – последовала команда. Гравилет слегка качнулся и... остался на месте. Что-то не так. Он закрыл глаза и представил citron. Так он просидел целую минуту, пока citron не заполнил все его сознание. Ничего больше в этом мире не существовало. Только один этот предмет с мерцающими бликами на матовой поверхности. Эрик, открыв глаза, повторил команду. На этот раз диск, подобно лифту, вертикально пошел вверх. После команд «Вперед!» и «Горизонтально!» диск полетел над городом. Плазмойды едва начали открываться и на зданиях появились утренние блики. Эту красоту Эрик наблюдал второй раз в жизни. Только в первый раз, а это было полгода назад, он видел это снизу, с улицы города, когда сам уговорил отца показать ему утреннюю зарю. Огни на улицах и крышах домов постепенно гасли. Вдали показалась граница города. Следующими командами были «Вправо!» и «Вперед!». После этого

гравилет, как полагал Эрик, должен был направиться к резиденции рейхскомиссара. Он помнил, как она выглядит сверху, потому что однажды с отцом уже пролетал над ней.

Вдали показались три огромных серебристых купола с множеством мелких строений у подножья. Это была промышленная зона, которая должна быть гораздо дальше резиденции. Куда же та подевалась? В обозримом пространстве ее не было. Эрик просканировал горизонт с помощью экрана, но это тоже не принесло ожидаемого результата. Он направил гравилет вверх в надежде, что с более высокой точки увидит пресловутый коричневый куб. Но и это не помогло. Он опять заставил себя успокоиться. И вспомнил! Он вспомнил слова отца о том, что умный аппарат сам способен найти любой объект. Достаточно только его четко представить и мысленно передать через цитрон. Представить столь незамысловатые контуры для него не составило никакого труда. Диск резво сделал вираж и через несколько минут завис над резиденцией. В груди бешено колотилось сердце, но, тем не менее, ему удалось вывести на экран максимально увеличенные апартаменты рейхскомиссара. Через полупрозрачную крышу даже наблюдалось какое-то движение. Это и была конечная цель. «Огонь!!», – не только подумал, но и выкрикнул Эрик.

Внизу ничего не изменилось. Зато кое-что изменилось в гравилете. Практически одновременно над цитроном появилась световая рамка и раздался звонок. Эрик ждал, что она с ним свяжется, но надеялся, что это произойдет уже после завершения его плана. «Какая же ты у меня красивая, мама», – подумал он, глядя на ее изображение.

– Эрик, сынок, где ты? – взволнованно спросила Ирма.

– Мапочка, я тебя очень люблю и хочу, чтобы мы всегда были вместе. Поэтому я на время взял папин диск. Прости меня, – Эрик вытер слезы и вдруг понял, почему все-таки оружие не сработало. Оружие воспринимает команды только при ручном! управлении аппарата – так говорил отец.

«Отдать руль!», – последовала команда, и рядом с креслом появился рычаг управления аппаратом.

– Сын, прошу тебя, не делай этого! – в рамке цитрона появилось изображение отца. – Я тебе все-все объясню!

– Прости, папа тоже, – Эрик повторно начал выводить на экран ускользнувшую цель, но вместо апартаментов Гитлера там появился... знакомый гравилет.

Отца в рамке цитрона сменил Вилли:

– Эрик, стой, если я для тебя ничего не значу, то можешь стрелять. Потому что, прежде чем ты уничтожишь намеченную цель, ты должен убить меня. Я нахожусь у тебя в прицеле, поэтому убрать меня оттуда можно только с помощью оружия.

Эрику потребовалось неимоверное усилие, чтобы удалить из головы прочно засевшее слово. Это слово было – «Огонь».

– Куда же мне теперь лететь? – тихо спросил он после минутной паузы.

– Лети, парень, за мной. Конечная станция – твои любимые родители, – так же тихо ответил Вилли.

Суд

Рано утром Эрик встретил патриарха Конрада, который, минуя свою резиденцию, направился к коллеге с важной информацией. Высшим исполнительным органом Арийи являлся Совет двенадцати патриархов, которые избирались населением всех трех частей страны – земной, лунной и марсианской. Ими могли быть избраны граждане четвертого уровня не моложе пятидесяти лет, а избирать могли только те, которые имели уровень. Обнуленные и не достигшие уровня арийцы в выборах не участвовали. Конрад был избран совсем недавно – после кончины Старейшего патриарха Манфреда Первого, поддерживающего Эрика в его многих инициативах.

Избрание Конрада состоялось благодаря непререкаемому авторитету Эрика Первого среди жителей лунной Арийи, которые практически единогласно поддерживали протекте патриарха. Эрик всю свою сознательную жизнь следил за карьерой брата и оберегал его от ошибок. В значительной степени это была дань памяти родителям. Факт же родства с Конрадом Эрик держал при себе, потому что родственные узы в Арийи считались, как минимум, архаизмами, а публичное их проявление расценивалось как преступление. Конрад как раз и придерживался подобных убеждений. Именно его голос в совете позволил стать Старейшим Гансу Первому – самому ортодоксальному из патриархов.

– Конрад, я же тебя просил парковать свой гравилет за пределами замка, – сокрушенно сказал Эрик после приветственных объятий. – Посмотри, ты занял добрую половину внутреннего двора.

– Какая же это половина? – засмеялся Конрад. – Это же только часть мостовой. А если еще учесть вот ту спортивную площадку и дендрарий твоей Марты, то мой диск и вовсе не виден на этом дворе. Я уже не говорю о твоей конюшне, которую можно было бы содержать где-нибудь на фермерских угодьях. И вообще, Эрик, по поводу твоей резиденции я уже все сказал. Мы должны идти в ногу со временем, в том числе и в плане архитектуры. Взгляни на апартаменты других патриархов, да и мои тоже. Там есть и места для гравилетов и соответствующие залы, студии и так далее. А ты своим примером тянешь всех назад. И даже не к древним арийцам, а в средние века человеческой цивилизации. Вот твое поручение, с которым я летал на Землю и выполнил его – это совсем другое дело.

– Так что же ты молчишь?!

– Ты со своим двором и слова не дал сказать. Через два дня будет готов проект и можно уже начинать.

– Молодец, Конрад! Завтра же с Йоганом, Дитрихом и Ральфом мы определим план работ на ближайшее время.

Эрик был рад тому обстоятельству, что его давняя инициатива по разработке и производству роботов, которые могли бы заменить рабов, наконец-то была услышана и начала претворяться в жизнь. В основном речь шла о мобильных автономных манипуляторах, которые могли быть использованы в шахтах и на тяжелых работах по расширению жизненного пространства всех трех частей Арийи. Однако в первую очередь это касалось Марса. Эрик не понаслышке знал, что туда не успевают завозить новые партии рабов. Патриархи многие годы отвергали его идею, мотивируя тем, что рабы в любом случае обходятся дешевле. И только на последнем совете было принято решение о постройке в лунной Арийи экспериментального завода. Аргументируя свою идею тем, что в перспективе использование роботов все равно будет экономичнее содержания рабов и это производство скажется позитивно на развитии страны, Эрик Первый, на самом деле, скрывал две причины этой инициативы. Во-первых, он, в отличие от других патриархов и большинства арийского населения, считал, что рабы являются такими же гомосапиенс, как и арийцы. Во-вторых, он был совершенно уверен в том, что рано или поздно

человечество все равно узнает о существовании Арийи. Он понимал, что, несмотря на предпринимаемые усилия, это произойдет гораздо раньше, чем человеческая цивилизация попадет под полный контроль арийцев. И тогда жестокое обращение с рабами, да и сам факт существования рабства, вряд ли будет способствовать мирному сосуществованию Арийи с остальным человечеством. Поэтому с самого начала своего руководства лунной Арийей он уделял внимание работающим здесь рабам. В настоящее время те проживали в лунном городе в условиях, максимально приближенных к земным, а на тяжелых участках использовалась всевозможная арийская техника.

Патриархи поднялись в конференцзал, где и должен был состояться виртуальный патриарший суд. В этом же помещении проходил Совет патриархов и различные совещания, разумеется, тоже в виртуальном режиме. Подобный зал находился в резиденции патриарха Карла Первого, руководителя земной Арийи, где проживали четыре патриарха. В лунной Арийи из двенадцати кресел патриархов обычно реально использовались только два. Эти кресла занимали Эрик Первый и Конрад Второй. Шесть патриархов, включая Старейшего, постоянно проживали на Марсе, хотя двое из них имели апартаменты в земной и лунной Арийях, поскольку их курировали.

У входа патриархов встретила Марта, присутствие которой на важных мероприятиях уже давно никем не обсуждалось. Двенадцать кресел, составляющие полукруг, располагались напротив огромного выпуклого экрана. На спинках двух из них были наброшены черные мантии – неременный атрибут высоких арийских судей. Марта поправила патриарху прическу и помогла облачиться в мантию. Конрад надел мантию самостоятельно.

– Спасибо, дорогая. Занимай свое почетное место, – улыбнулся Эрик. – Конрад, пока не прибыли мои помощники, нужно с тобой кое-что обсудить по предстоящему делу. Ты ознакомился с материалами?

– Да. Завершил чтение уже на обратном пути.

– Ну и каково твое мнение?

– Что ты имеешь в виду?

– Степень вины фигурантов.

– Сто процентов. Классическое нарушение пятого закона. Арийцу – смертная казнь. Землянину – в лучшем случае пожизненное рабство. Мне странно, что этот... как его... Эрик, кстати, надо же... не просчитал последствий. Основные законы знает любой школьник. А этот – вроде выпускник университета. Короче, таково мое мнение. Я тебя понимаю – ты был противником принятия этого закона. Однако не понимаю, почему. Подобные прецеденты приведут к преждевременному открытию Арийи со всеми вытекающими последствиями. Ты же знаешь, что в таких условиях мы вряд ли сможем доминировать.

– А зачем доминировать?

– Как зачем? Это наша основная доктрина! Ты ведь все понимаешь. Поэтому я не хочу сейчас устраивать никаких дискуссий. Если хочешь узнать, каким будет мой вердикт, то скажу – они однозначно виновны. И формально и по существу.

В это время в зал вошли все советники и хором приветствовали патриархов.

– Если вы сумели договориться об общем сборе, то почему не смогли договориться о точном времени? – спросил Эрик Первый, намекая на их опоздание.

– Они все ожидали меня, – поспешил оправдаться Герхард, – еще час назад, ваше величие, я был почти уверен, что решения нашей проблемы нет, но затем мне удалось-таки вытащить на свет поправку об «особом мнении». Она была принята лет тридцать назад и позже не была отменена, поскольку никогда не применялась и о ней попросту забыли. Она заключается в том, что, если один из судей выражает особое мнение, то исполнение приговора, каким бы он ни был, может быть отложено на срок, указанный этим судьей, но не превышающий шести месяцев. Таким образом, в нашем случае этого времени хватит для инициирования и отмены

пресловутого закона. Или все же есть возможность обойтись без привлечения этой поправки? – Герхард перевел взгляд на Конрада Второго.

– Нет, такой возможности у нас не будет, – с горечью произнес Эрик. – Благодарю, тебя, Герхард. Ты значительно облегчил мою задачу.

– Подобные поправки ничтожны, – заметил Конрад. – Они имеют срок давности и должны раз в десять лет ратифицироваться Законодательной палатой.

– Вы ошибаетесь, ваше величие, поправки к шести основным законам бессрочны, – парировал советник.

– Пора заканчивать разговоры. Занимайте свои места, – скомандовал Эрик, увидев, что Марта подает ему характерные знаки.

Патриархи сели в свои кресла, а советники заняли места рядом с Мартой. Через некоторое время вспыхнули небольшие экраны напротив десяти кресел и там появились голографические изображения остальных патриархов. Эрик с удивлением отметил, что появились всего пять марсианских голограмм, но и земных тоже – пять. Он вопросительно посмотрел на Конрада.

– Ничего удивительного, – сказал тот. – Когда я собирался покинуть земную Арийю, патриарх Вернер оставался еще там. Он все равно не успел бы долететь до Марса. Поэтому и принял решение участвовать в суде виртуально.

Включился большой экран, на котором возникла оставшаяся часть зала патриаршего суда. С обеих его сторон стояли столы, за которыми сидели блюстители законов, представляющие обвинение. Старейший из патриархов по возрасту и по званию Ганс Первый поднял правую руку и проговорил хриплым голосом:

– Именем Арийи объявляю патриарший суд открытым.

Дверь в противоположной стене зала открылась и в зал в сопровождении одного из блюстителей вошел Эрик Двадцать Второй. Его арестантская оранжевая форма резко контрастировала с окружающим фоном. Он абсолютно не производил впечатления глубоко раскаявшегося и подавленного арийца. Напротив, его гордая осанка и выражение лица не обещали простого и быстрого решения для этого суда. Подсудимый осмотрел зал, судей и в какой-то момент встретился взглядом с Эриком Первым. Патриарх сумел за короткое время в этих глазах прочесть все: боль и уверенность, мольбу о помощи и надежду.

– Уважаемый патриарший суд, – начал старший блюститель, – перед вами главный обвиняемый по беспрецедентному делу в истории нашей страны – ариец Эрик Двадцать Второй. Следствие обладает полным набором сведений и доказательств по совершенному преступлению, потому что фигурант подвергся пристрастному допросу с привлечением наших известных помощников. Следствие вынуждено было применить эту меру после тщетных попыток вызвать Эрика Двадцать Второго на откровенность. Каждый из вас, я уверен, обладает достаточной информацией по совершенному противоправному деянию, но, тем не менее, я коротко изложу хронологию этого тягчайшего преступления.

Эрик Двадцать Второй земной, студент психологического отделения арийского университета, пребывая на поверхности континента земной Арийи, позволил себе открыться российскому полярнику Игорю Родионову. Это уже квалифицируется как преступление и подпадает под первую часть известного Вам арийского закона номер пять. Однако Эрик Двадцать Второй пошел дальше. Он уговорил землянина посетить Арийю, отдавая себе отчет в том, что этим и вовсе нарушает закон. На своем гравилете он тайно доставил Родионова в нашу страну, открыв ему, естественно, каналы проникновения. Кроме того, он организовал для Родионова обзорную экскурсию по земной Арийи. К каким это могло привести последствиям, каждый из вас может себе представить. Благодаря нашей Тайной службе, это преступление было раскрыто всего за несколько часов, а впоследствии пресечено на Марсе, куда Эрик Двадцать Второй и Игорь Родионов проследовали ввиду сложившихся обстоятельств. Все это время они находи-

лись под контролем, что позволило Тайной службе вскрыть все мотивы и цели обоих фигурантов. Кроме того, это помогло выявить пособника, точнее, пособницу преступников – Эльзу Сороковую земную. В лунной Арийи, которую они посетили по пути на Марс, произошло то же самое, что и в земной, то есть для землянина опять была проведена обзорная экскурсия и даже прогулка по поверхности Луны. Учитывая, что Эрик Двадцать Второй совсем недавно прошел комплексную проверку, в том числе касающуюся его интеллектуального уровня, и по ряду других критериев следствие пришло к выводу, что преступление было совершено не по причине его глупости или временного умственного недомогания, а вполне сознательно и отчетливо.

В связи с вышеизложенным, следствие и сторона обвинения просят применить в отношении арийца Эрика Двадцать Второго земного исключительную меру наказания, вытекающую из закона номер пять, а именно – смертную казнь. Я закончил, ваши величия.

– Давайте второго, – прошелестел Ганс Первый.

В зал вошел Игорь Родионов. Патриарх его видел впервые. В первое мгновение он опешил, поскольку тот ничем внешне не отличался от арийца. Высокий лоб, прямой нос, светлые волосы, голубые глаза и стройность фигуры – это были явные признаки жителя страны под названием Арийя. Причем все это в совокупности природа смогла сотворить сама без вмешательства каких-либо арийских селекционеров. Эрику Первому даже польстило то, что Игорь, также, как и его друг, надолго остановил на патриархе свой взгляд. Опять встал блюститель и приступил к повествованию о втором фигуранте, чередуя высказываниями о нависшей угрозе над страной. Он подчеркнул, что у землянина поначалу не было умысла нанести вред Арийи, но со временем у него сложился преступный план собрать о ней как можно больше сведений, тем более, что Эрик Двадцать Второй всячески способствовал этому. Для землянина он так же попросил у судей смертную казнь, но особо на этом не настаивал, отметив, что, возможно, ее полезнее заменить пожизненным рабством. В заключение он напомнил, что факт преступления на лицо, о чем сами обвиняемые подробно рассказали под воздействием специально обученной фарьены. Поэтому свидетелей в суд привлекать незачем и уже на этой стадии целесообразно вынести приговор. Вопрос остался только один – дадут ли судьи последнее слово обвиняемым?

Посоветовавшись, патриархи решили дать им возможность высказаться в течение пяти минут. Первым на середину зала вышел Эрик Двадцать Второй:

– Уважаемый патриарший суд, – начал он, – если я скажу, что люблю свою страну, то я ничего не скажу. Это словами выразить невозможно. На своем гравилете я облетел, наверное, всю Землю, но красивее, чем земная Арийя, ни одного уголка на всей планете не встречал. В этом смысле с ней соревноваться может только лунная Арийя, – и он многозначительно посмотрел на Эрика Первого. Тот кивнул головой, давая понять, что согласен с этим утверждением.

Далее молодой ариец выразил сожаление по поводу нарушения одного из основных законов страны. Однако вслед за этим он стал говорить о том, что категорически не понравилось патриархам. Всем, кроме Эрика Первого, который опять поймал себя на мысли, что абсолютно понимает своего тезку. А тот, заканчивая свой монолог, заявил, что нисколько не жалеет о встрече с Игорем Родионовым, как и о посещении им Арийи. С такими землянами, как Игорь, по мнению Эрика Двадцать Второго, можно и нужно общаться и это пойдет только на пользу обоим цивилизациям.

После этого утверждения Старейший остановил его и сократил время выступления второго обвиняемого до двух минут. Помимо арийской внешности Игорь Родионов поразил и своим безукоризненным владением языком. Кроме того, Эрик Первый отметил, что природа одарила его недюжинным умом. Но, несмотря на все эти качества, тот тоже не дотянул до конца отведенного ему времени. Перечислив достоинства Арийи и ее жителей, он обрушился с критикой на тенденциозные законы страны и противоестественный уклад жизни. Он отме-

тил, что Эрик Двадцать Второй является лучшим представителем своего народа и отнюдь не преступником, а настоящим героем. Патриархам же пригрозил силовым противодействием, если те уничтожат его друга. После этого Ганс Первый остановил процесс и судьи отправились совещаться.

Для всех присутствующих в конференц-зале последняя процедура выглядела как отключение большого экрана. Таким образом, остались включенными десять малых экранов, расположенных напротив пустующих кресел, с изображениями остальных патриархов Арийи. Ганс никак не мог успокоиться и еще некоторое время продолжал трясти головой и размахивать руками. Наконец он прошипел:

– Обоим – смертную казнь. Думаю, что единогласно.

– Единогласно не получится, – спокойно проговорил Эрик Первый, – я против смертной казни.

В зале надолго воцарилась тишина. Если большинство патриархов просто опешили, то Старейший как раз на это время впал в ступор, а когда он закончился, то закричал неизвестно откуда взявшимся фальцетом:

– Может быть, ты их наградишь? А, может быть, ты вообще отдашь Арийю землянам? Ты же ведь однажды уже пытался это сделать! Удержался ты тогда только благодаря покойному Манфреду! И опять туда же?

– Я не изменил своим убеждениям. Мирное сосуществование с землянами – единственно разумная политика и за этим будущее.

– И каков же твой вердикт?!

– Эрика Двадцать Второго я предложил бы обнулить до приведения законов страны в соответствие с требованиями современных реалий, а землянина – использовать в соответствие с его очевидными способностями, то есть на то же самое время придать ему статус обнуленного арийца. Эльзу Сороковую стоило бы предупредить.

В воздухе опять повисла зловещая тишина, которую прорезал еще более визгливый фальцет Ганса:

– Кто еще так думает?!

После очередной паузы прозвучал следующий вопрос:

– Кто за то, чтобы приговорить Эрика Двадцать Второго к смертной казни, единственно возможной мере наказания за нарушение закона номер пять?

Руки подняли девять патриархов, включая и самого Ганса Первого. Эрик с сожалением констатировал, что среди них был и патриарх Конрад Второй.

– Патриарх Карл Первый! – опять зашелся Старейший. – Ты и не против и не за! Объясни нам свою позицию.

– Поскольку закон номер пять предполагает только одну меру наказания, то я не могу голосовать против нее по понятным причинам, но и не могу голосовать за нее, потому что считаю ее в данной ситуации чрезмерной. Поэтому я воздержусь от голосования с тем, чтобы не создать юридический казус.

– Ну а ты, Клаус?!

– У меня те же аргументы, что и у патриарха Карла Первого. Добавлю, что и без нас остается достаточное количество судей с однозначным вердиктом, – объяснился самый молодой патриарх Арийи Клаус Четвертый.

– Ты прав, обойдемся и без вас, – опять полупрошептом проговорил Ганс. – Таким образом, подавляющим большинством голосов арийцу Эрику Двадцать Второму выносится приговор – смертная казнь. В течение сегодняшнего дня он будет приведен в исполнение.

– Приговор не может быть приведен в исполнение сегодня, – возразил Эрик. – Вынося свой вердикт, я выражаю «особое мнение».

После этих слов среди патриархов послышались смешки. Ганс же и вовсе закатился в истерику:

– Выражай ты что хочешь, но против закона я никому пойти не дам.

– Я как раз и говорю о законе. «Особое мнение» – это юридическая норма. Исходя из нее, я вношу отсрочку приговора на шесть месяцев.

Ганс приподнял руку с лимоном, над которым тут же появилось изображение Главного блюстителя Пауля Девятого. Старейший изложил ему проблему и тот, заикаясь, попросил пять минут для ее изучения.

Тем временем перешли к следующему фигуранту – землянину Игорю Родионову. Большинство патриархов, а именно – девять, склонялось к определению Родионова в рабство, поэтому это предложение и было вынесено на голосование. Против него выступил, кроме Эрика Первого, Ганс Первый, который предложил определить обвиняемому смертную казнь. Карл Первый и Клаус Четвертый, как и в первом случае, воздержались. Таким образом, предложение было принято, но Старейший настоял на самых тяжелых работах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.